

*Саше.
Лучшей части меня...*

Пролог

НАСЛЕДИЕ ЗВЕРСКИ УБИТОГО МИЛЛИАРДЕРА: ЖИЗНЬ И РАСЧЛЕНЕНИЕ ТОБИАСА ФЕЛЛА

Дэвид Эриксон

Редактор отдела криминальной хроники

Вот уже пять лет широкая публика не перестает повторять: интереснее жизни Тобиаса Фелла была только его смерть. На протяжении большей части его бурной карьеры Фелла превозносили как титана предпринимательства; не секрет, что он до сих пор остается самой интервьюируемой фигурой газеты «Санди XXXXXXXX», если не считать политических деятелей, и тут мы определенно не одиноки, с 1992 года его фотография не меньше четырнадцати раз украшала обложку «XXXXXXX бизнес пост». После смерти Фелла это очарование только возросло, хотя в настоящее время оно приобрело совершенно другой характер. Даже тем, кто не следит за подобными вещами, трудно оставаться в стороне от бесконечного потока уголовных расследований, теорий заговоров и даже обсуждений на форумах, посвященных паранормальным явлениям. Жестокая расправа неоднократно поднималась на первые строчки списков «самых жутких нераскрытых убийств», составляемых различными интернет-ресурсами. Похоже, жив Тобиас Фелл или мертв, говорить о нем никогда не перестанут.

Однако есть и те, кто никогда не переставал копать, никогда не смирялся с обескураживающими обстоятель-

ствами этого непостижимого дела. Но, быть может, замороженные тайной, окружающей смерть Фелла, мы забываем заглянуть в потаенные уголки его жизни?

Корни у него были такие же, как и у всех миллиардеров: ему достался небольшой капитал от отца, который он благодаря везению, способностям и, как говорят многие, беспощадности превратил в огромное состояние. Но в то же время многие отмечали, что даже по меркам безжалостных акул бизнеса молодой Тобиас отличался полным пренебрежением к этической стороне своих деловых начинаний. Среди его предприятий (в том числе освещенных в настоящей публикации) было множество известных широкой общественности технологических компаний, открытых для средств массовой информации, и прочих известных брендов. Но, приложив совсем немного усилий, можно было выяснить, что самыми прибыльными были вложения в другие источники, далеко не такие белые и пушистые: фармацевтические компании, добыча драгоценных камней, опустошительная для окружающей среды добыча нефти и производство оружия. Фелла осуждали за то, что в его компаниях распространено потогонное производство, его обвиняли в незаконном захвате земли и использовании рабского труда; многие прогрессивные деятели резко критиковали его еще тогда, когда он был жив.

Однако все эти обвинения никогда особо не трогали Тобиаса Фелла. Острый ум и чутье держаться подальше от наименее благовидных своих деловых начинаний позволяли ему сохранять свой образ чистым, а широко разрекламированные благотворительные инициативы заставляли людей не проявлять особого интереса к его налоговым махинациям (хотя многие филантропические проекты тихо угасли после того, как перестали быть в центре внимания). Фелл шел к вершине, поднимаясь

ТРИНАДЦАТЬ ЭТАЖЕЙ

в списке богатейших людей планеты, и на него равнялись будущие финансовые воротилы.

Конечно, критики было достаточно. Защитники прав человека осуждали этические принципы компаний Фелла, однако гораздо занятнее было читать его наставления по бизнесу, написанные предположительно литературными «неграми». И действительно, покопавшись в подшивках «Санди XXXXXXXX», трудно не заметить, что мы сами поспособствовали этому, старательно задвигая все негативные материалы в его адрес на последнюю полосу.

Когда Тобиас Фелл в годы, предшествующие его смерти, стал потихоньку уходить в тень, это, похоже, только укрепило его репутацию. На каждого возмущенного активиста, выступавшего против его предприятий, приходилось по десятку поклонников, замороженных новой загадкой, которую лишь изредка чуточку приоткрывали фотографии ставшего затворником миллиардера, сделанные папарацци издали с помощью телеобъективов. Фелл постепенно отошел от руководства своими компаниями, а его хваленая филантропия окончательно выдохлась. Казалось, золотой мальчик делового мира хотел просто проводить время в одиночестве, скрываясь в номере люкс на последнем этаже Баньян-Корта, здания, построенного по его заказу.

Многие говорили, что Баньян-Корт являлся памятником всему тому, чем был Тобиас Фелл; так думали и те, кто считал его своим кумиром, и те, кто люто его ненавидел. Высокое тринадцатизэтажное жилое здание в сердце района Тауэр-Хамлетс, одного из самых бедных в центральной части Лондона. Здание вылупилась из старой кирпичной скорлупы фабрики Викторианской эпохи, ставшей затем жилым домом, и расцвело в величественное строение из стекла и бетона, символ утонченной ро-

скоши. В своем рассказе об этом здании («Миллиардер меняет облик беднейшего квартала Лондона», номер от 3 июля 2004 года) мы рассуждали о том, как этот проект окажет благотворное влияние на весь район. Однако критики увидели только вымывание бедноты, на смену которой придут люди состоятельные, и этот прогноз в значительной степени сбылся.

Самые жаркие споры вызывала та часть Баньян-Корта, которая была отдана под «доступное жилье». Районные власти требуют от застройщиков, чтобы определенная доля жилья была доступной для людей с невысокими доходами, однако пренебрежительное отношение правительства и правоохранительных органов породило слухи о качестве строительства в некоторых частях здания. Новые обитатели «доступного жилья» жаловались на строительные недоделки, некачественные материалы и отсутствие противопожарных систем. Квартиры в задней половине оказались полностью отрезаны от сверкающих современных возможностей главного здания, и уже через год левые блогеры начали говорить о «тайных трущобах», скрытых за ослепительным фасадом Баньян-Корта. А восседал наверху всего этого в своем роскошном пентхаусе не кто иной, как сам Тобиас Фелл.

Однако какой увлекательной ни была его жизнь, большинство помнят Фелла из-за его смерти. Она явилась одним из самых громких нераскрытых убийств в истории. Подробности, раскрытые широкой публике (и многие подробности, которые не были раскрыты) с тех самых пор подвергаются доскональному препарированию со стороны средств массовой информации и сыщиков-любителей, однако все выдвигаемые версии выглядят абсолютно бредовыми. От неимоверной жестокости, с какой было совершено убийство, леденит душу, однако, несмотря на то что жуткая бойня, вне всякого сомнения, про-

ТРИНАДЦАТЬ ЭТАЖЕЙ

изошла в квартире Тобиаса Фелла, кровь, обнаруженная на месте преступления, ему не принадлежала. Больше того, согласно утечкам из материалов дела кровь эта так и не была идентифицирована. Единственной жертвой значился сам миллиардер, но в таком случае почему многие очевидцы утверждают, что в машины чрезвычайных служб загрузили несколько мешков для трупов?

Еще больше распаляет воображение сторонников теории заговоров вопрос свидетелей. Тобиас Фелл в момент своей смерти был не один. Вместе с ним находились еще тринадцать человек, и все они утверждали, что явились к нему на ужин, получив неожиданные приглашения. Хотя не все «гости» проживали в Баньян-Корте, каждый имел определенное отношение к зданию. Однако помимо адреса, похоже, у них не было ничего общего. Торговец произведениями авангардного искусства, местный слесарь-сантехник, шестилетняя девочка, пришедшая со своей матерью... Мало кто, а может, и вообще ни один из этих людей, мог бы оказаться на званом ужине у миллиардера. Кроме того, показания всех до единого гостей сходились по трем пунктам: до того вечера они ни разу не встречались с Тобиасом Феллом; приглашение на ужин явилось для них полной неожиданностью; и, несмотря на заключение криминалистов, что он был убит тогда, когда гости находились у него дома, никто из них понятия не имел, когда и как был убит хозяин.

Несмотря на то что у столичной полиции имелся круг очевидных подозреваемых, арестован никто не был и не было дано официального объяснения убийства. За пять лет, прошедших с момента преступления, никто из полицейских и медиков, первыми прибывших на место или участвовавших в последующем расследовании, не сделал никаких заявлений. Еще больше интерес подпитывают предположения о заговоре странные события,

ДЖОНАТАН СИМС

произошедшие в Баньян-Корте и рядом с ним в течение недели, предшествовавшей убийству Тобиаса Фелла: смерти Эдит Кинни и Джеймса Андрэ, официально списанные на естественные причины и самоубийство соответственно, а также исчезновение известного активиста Диего Санти, которого в последний раз видели заходящим в здание. Сторонники теории заговоров не нашли убедительных объяснений ни одному из этих событий.

Сейчас, по прошествии каких-нибудь пяти лет, Баньян-Корт практически полностью опустел. После того как у нанимателей подходит к концу срок аренды, риелторы не могут найти им замену; другие жильцы и владельцы внезапно распродают свое жилье, а то и просто исчезают бесследно. Здание, еще совсем недавно внушительное, теперь умолкло, одиноким глазом взирая на полуразвалившиеся трущобы вокруг. Тринадцатипятиэтажный надгробный камень человеку, который по-прежнему отбрасывает такую же черную тень, как и его творение.

Убийство Тобиаса Фелла остается нераскрытым, и вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что в действительности произошло в тот вечер и что увидели эти тринадцать злосчастных гостей.

Первая

Ночная работа

Виолетта Энг.
Баньян-Корт, 114

— Я так вам сочувствую! Наверное, это просто ужасно.

Конечно, мать не переставала предупреждать Виолетту о том, как опасно заговаривать с незнакомцами, но, к сожалению, никто не предупредил *их* не заговаривать с нею. Она едва сдержала резкий ответ, а старик, сочувственно склонив голову набок, поджал губы, словно разделяя ее боль.

— Мой сын тоже работал по ночам, — продолжал он, не обращая внимания на ее молчание. — Он это ненавидел! Говорил, что совершенно не высыпается. По-моему, это бесчеловечно.

Виолетта росла, погребенная под маниакальным страхом своей матери о ее безопасности, раздавленная сотней страшных рассказов, тонко завуалированных городских легенд о всякой жути, якобы случившейся с какими-то дальними знакомыми. Однако мать никогда даже не упоминала про величайшую опасность, судя по всему, преследующую одну Виолетту: сочувствующих незнакомцах. Сидящий напротив мужчина в годах подался вперед, ожидая ответа.

— Должно быть, это было ужасно, — наконец выдавила Виолетта, стараясь перевести взгляд куда-нибудь

в другую сторону, однако за окнами вагона метро простирался непроницаемый мрак. Назидательные рассказы матери всегда начинались одинаково: посмотреть незнакомцу в глаза. Это был ее вариант присказки «жили-были», однако заканчивалось все трупом в кузове грузовика без номеров. Для Виолетты главная опасность встречи взглядами заключалась в том, что человек мог подумать, будто ее интересуется его мнение.

— Я где-то читал, что работа в ночную смену отнимает чуть ли не десять лет жизни! — продолжал ее новый знакомый, безудержный в своей заботе о ее благополучии.

— Не у всех, — ответила Виолетта, прибегая к механическим кратким ответам, чем неизменно заканчивался разговор с родственниками, считающими себя обязанными выяснить у нее, как сильно она ненавидит работу в ночную смену. Такое случалось постоянно.

— Чем именно вы занимаетесь? — нисколько не смутившись, продолжал старик.

Виолетта задумалась. Можно попробовать объяснить, как ей нравится ее работа. Можно попытаться высказать вслух это чувство сопричастности к миру, когда ты вроде ходишь рядом и даже сквозь него, не позволяя ему прикоснуться к тебе. Можно рассказать о своих «обеденных» перерывах, когда она в два часа ночи гуляет по улицам вокруг своего офиса, упиваясь тишиной, этой восхитительной безлюдностью. Описать то, как она наблюдает за машинами, медленно текущими по шоссе в сторону Рединга или Бейсингстока подобно неспешной реке огней. Можно попытаться выразить словами почти духовную связь со спящим городом. Городом, который, по утверждению ее матери, рано или поздно ее убьет.

— Я работаю в редакционно-аналитическом отделе крупного медиа-синдиката, специализирующегося на информационном взаимодействии юридических субъ-

ТРИНАДЦАТЬ ЭТАЖЕЙ

ектов. В мои обязанности входит обеспечение лицензионного и правового соответствия норм распространения информации среди конечных пользователей.

Это заставило старика отстать.

Когда Виолетта вышла на станции «Уайтчепел», уже светало. Летняя жара начнется еще не скоро, и воздух оставался прохладным и свежим. Виолетта ощутила в своих конечностях первое онемение отрядной усталости. Веки уютно отяжелели. Она не спеша направилась к своему дому, и вскоре он появился впереди, заслоняя собой рассвет.

Баньян-Корт возвышался над улицами Тауэр-Хамлетс, с отеческим сожалением взирая сверху вниз на бездомных и бедняков, которым просто не хватило здравого смысла родиться богатыми. Мысленно усмехнувшись, Виолетта быстро вошла в сверкающие стеклянные двери. Здесь не любили тех, кто слоняется без дела. Пройдя мимо небольших клочков безукоризненно ухоженной зелени, она свернула в переулок, идущий вдоль Баньян-Корта. Мимо выстроившихся рядами здоровенных мусорных баков, слишком неблагоприятных, чтобы ставить их у главного входа (и достаточно больших, чтобы в них можно было спрятать расчлененное тело, не переставала повторять ее мать), и мимо черты, отделяющей стекло от старого кирпича. Виолетта подошла к входу в жилое крыло «Б».

Крохотный закатанный в асфальт дворик подметали примерно раз в месяц по распоряжению районной управы, однако решетки на окнах первого этажа пресекали любые попытки отмыть стекла. Эти решетки, с толстыми прутьями, выкрашенными в предостерегающий ярко-желтый цвет, были добавлены в ходе первой реновации здания, и Виолетте они казались скорее предупрежде-